

Хмурое амстердамское утро Ван Гог встретил на старом продавленном диване. После вчерашней пьянки с Полем Гогеном и жуткого скандала ему не хотелось просыпаться. Болело тело, болела душа. Тело болело от выпитого, душа болела от того, что он обидел своего друга.

Ван Гог всю ночь снился холодный квас в запотевшей стеклянной банке, в холодильнике. Встать и пойти за квасом сил не было, хотя рот был сух, а тело кричало — воды, воды! Ван Гог сполз с дивана и, шатаясь, добрёл до холодильника. Кроме кваса в холодильнике — ничего. Холодная жидкость, обжигая гортань, потекла внутрь, и тело, утомлённое длительным запоем, начало возвращаться к жизни. Не отрываясь от банки, Ван Гог допил остатки кваса и подошёл к столу.

На столе лежала половина газеты «Правда», заменяя скатерть. Опрокинутая жестянка из-под бычков в томате сочилась красным, подобно крови, заливая собой портрет вождя. Конец лозунга «Пролетарии всех стран со.....» оборван. Вторая жестянка из-под бычков доверху забита остатками папирос «Беломорканал». «Чёртов Гоген! — подумал Ван Гог. — Он так и не отучился курить дешёвые русские папиросы». Некоторые окурки хранили на себе следы красной губной помады.

— Значит, с нами была женщина! — сказал себе Ван Гог.

В воздухе витал запах духов вперемешку с терпким запахом туалетной воды Гогена, возбуждая обоняние художника. Возможно, Гоген привёл очередную девицу, но какая она была и была ли вообще, Ван Гог не помнил.

— Пижон, проклятый пижон! — чертыхнулся Ван Гог.

Он вновь посмотрел на стол. Его трубка — пуста. Спички, огрызки хлеба, грязная посуда, какие-то мясные объедки дополняли натюрморт. Гора бутылок из-под бургундского наводила на мысль, что пили не один день. Бутылки валялись и под столом, среди них — недопитые. Наклонившись за одной, Ван Гог увидел окровавленную бритву, человеческое ухо, уже тронутое неживой восковой желтизной, бинты и вату — всё в крови, и мокрое полотенце.

Ван Гог тупо смотрел на это мракобесие, и память медленно возвращалась к нему. Он оглядел комнату — запущенную и нищую. Вдоль стены стояли, а местами валялись будущие шедевры. «Едоки картофеля» угрюмо взирали на своего создателя. «Подсолнухи» ослепляли солнечной желтизной. Ирисы на холсте цвели так сочно, что казалось, на них можно прочесть будущие баснословные суммы, заплаченные коллекционерами. Но всё было не востребованным и никому не нужным. Великолепие цветов ещё ярче оттеняло серость и убогость жилья несчастного гения. Это было жильё человека, отдавшего себя краскам и холстам, у которого нет другого Бога, кроме живописи. Он и воплощал в себе и в своём искусстве второго Христа. Он был набожным человеком, но верил только в свои силы и в своё предназначение. И Христос, и Ван Гог — оба шли на свою Голгофу, только каждый со своей верой и своим путём. Верой в человеческий гений.

Ван Гог глянул в старое потускневшее зеркало и увидел лицо полубезумного человека, скуластого, обросшего рыжей щетиной. Правого уха не было. Кто-то неумело намотал Винсенту бинт через всю голову, прикрыв рану.

Он вспомнил, как в припадке любви и верности к Полю Гогену, после спора о собственном ничтожестве, упреков Гогена в его неправильной художественной манере, хватанул себя бритвой по уху. Он не мог сказать Гогену о тех сложных чувствах, что испытывал к нему. О той надежде, что они создадут союз и будут работать вместе. Поль Гоген отверг всё, на что надеялся Ван Гог. Они были слишком разными: неистовый Винсент — простой в своей гениальности, и расчётливый аристократ Гоген, который уже тогда знал, сколько он стоит и чего хочет от жизни.

Это был единственный выбор. Если люди не могут договориться, то лучший способ спасти друг друга — расстаться. Отрезанным ухом Ван Гог проложил себе путь в бессмертие. Уехавший в Полинезию Гоген сохранил себя, как художник и как человек.

Ван Гог достал из платяного шкафа ноутбук, который ему подарил родной брат Тео, хорошо поднявшийся на продаже картин и живущий в Париже. Тео помогал Ван Гогу и деньгами, и красками, и холстами. Они были близки, хотя и жили далеко друг от друга. Винсент делился с братом всеми новостями из своей не слишком счастливой жизни.

Пока ноутбук настраивался, Ван Гог поднял мёртвое ухо с пола и, завернув его в более-менее чистую тряпку, положил в карман тёплой куртки. Ван Гог знал, для чего он включил ноутбук и что будет делать дальше. Он набрал на клавиатуре запрос: «Трансплантология органов человека, пришивание ушей». Компьютер выдал адреса клиник и перечень услуг.

Куба, Израиль, Германия и США — все предлагали помощь. Винсент сделал запрос по ценам и ошалело уставился на экран. Цены не ошарашивали — они сбивали с ног. Деньги, которые запрашивали доктора за свои услуги, не смог бы поднять даже его брат Тео. Винсент понимал, что может прожить и без уха, но он всегда добивался поставленных целей.

Озарение пришло внезапно. Ещё одна страна могла ему помочь. Великая и загадочная, холодная и непонятная всему миру. Он слышал, что в той стране люди зимой ходят в шапках, а на улицах городов иногда встречаются медведи. С тех пор, как прошли Горбачёвская перестройка и дикий Ельцинский беспредел девяностых, государству нужны были деньги для очередных безумных экономических экспериментов.

Ван Гог набрал: «Россия, Москва, трансплантология органов». Ответ пришёл сразу. Реклама гласила: «Бомжам, пенсионерам, пострадавшим в пьяных драках, бедным художникам, кому что-то оторвали или отрезали, пришлют обратно со скидкой 50%». Это то, что нужно! Он подходил по всем параметрам, кроме пенсионного.

Набрав электронный адрес Тео, Винсент сообщил следующее: «Дорогой брат Тео! Опять прошу у тебя денег. После ссоры с Гогеном, я по-пьяни отрезал себе ухо. Необходима операция. Я улетаю в Москву. Любящий тебя, Винсент».

Мощный Боинг-747 авиакомпании «Пан Американ» вырулил на взлётную полосу в ожидании старта. Тяжело поднявшись в воздух над заснеженной Голландией, самолёт взял курс на холодную бесснежную Москву.

Мальчишки, катавшиеся на коньках по замёрзшим каналам, подняв голову к небу, с восторгом смотрели на пролетающее чудо.

Сжимая левой рукой отрезанное ухо, лежавшее в кармане, и правой попивая виски со льдом из низкого стакана с толстым дном, любезно принесённый стюардессой, Ван Гог за многие годы сумасшедшей жизненной гонки впервые ощутил покой. Он не думал, что ждёт его впереди, что осталось позади. Он просто устал, чертовски устал от того образа жизни, которым жил. Неудачи с женщинами, ссоры с Гогеном, вечные поиски места проживания, где он чувствовал бы себя счастливым, постоянные

сомнения в правильности того, что он делает — всё доводило до иступления. Ван Гог понимал, что постепенно сходит с ума, и этот полёт в Москву — всего лишь краткая отсрочка перед неизвестным, но страшным будущим.

Ровный шум двигателей, холодный виски, комфорт свалили художника в глубокий сон. Ему ничего не снилось. Он спал, как умер.

Международный аэропорт Шереметьево, продуваемый ледяным бесснежным ветром, принял Ван Гога в свои объятия. Без шапки, с отрезанным ухом, перевязанный грязным бинтом, Ван Гог чувствовал себя каким-то доисторическим животным.

Таможенник в зелёной пограничной фуражке взял из рук прилетевшего голландца документы и сверил с оригиналом. Из глубоких впадин на него смотрели исступлённые глаза, рыжая борода пылала...

— Цель приезда? — спросил таможенник.

— Операция по пришиванию уха, — ответил Ван Гог и, достав тряпку с завёрнутым в неё ухом, развернул и положил на стойку.

Видавший виды московский таможенник усилием воли подавил в себе возглас удивления. Очередь за художником молчала: все будто впали в гипнотический транс.

— Ухо! — сказал Ван Гог, — я хочу, чтоб мне пришили ухо!

Таможенник вышел из оцепенения и поставил печать на визу. Документы были в порядке, всё остальное не входило в его обязанности. Вряд ли этот неухоженный господин вёз что-нибудь ещё более дорогое, чем собственное ухо.

Ван Гог замотал ухо в тряпку, сунул в карман и пошёл к выходу из аэропорта. Таксисты-бомбилы профессиональным чутьём уловили, что перед ними лох, и можно хорошо пожить. Но бедные, как и богатые, хорошо умеют считать деньги. Винсент сел в серебристый Ford Focus и захлопнул дверцу.

— Куда паедем, дарагой? — спросил бомбила. — Куда хочишь, атвизу, дарагой, если дарогу пакажишь!

Ван Гог постучал пальцем по навигатору, светившемуся на панели, и сказал всего два слова:

— Арбат, гостиница.

Таксист про себя выругался, — он получит ровно столько, сколько стоит поездка.

Ночной портье донёс нехитрый багаж Винсента до номера и, получив «на чай» голландскими гульденами, пожелал спокойной ночи.

Ван Гог вошёл в номер. Набрал комбинацию цифр на городском телефоне, стал ждать. После четвертого гудка приятный женский голос ответил:

— Дежурный врач Вас слушает, представьтесь, пожалуйста!

— Это Ван Гог. Художник. Из Голландии. Я Вам звонил, вы мне обещали пришить ухо.

— Сейчас посмотрю в книге регистрации. Да, Вы у нас записаны! Ждём Вас через три дня. Мы всё подготовим для операции. Ваше ухо с собой?

— Да, — кратко ответил Ван Гог.

— Хорошо! А пока отдыхайте. Посмотрите Москву! Спокойной ночи, господин Ван Гог!

Телефон щёлкнул и отключился.

Заказав ужин в номер, Ван Гог плотно поел, выпил два фужера красного коллекционного Абрау-Дюрсо и прямо в обуви упал на кровать. Не спалось...

Винсент поднялся и подошёл к окну. Москва бескрайним серым одеялом расстилась перед ним. Внизу, прямо под окнами, пёстрой и шумной лентой протекала «река» Арбат. Она переливалась всеми цветами радуги, перемальвая в себе приехавших и уезжающих. Это была река исполнившихся и не исполнившихся желаний, река роскоши

и нищеты. Река мелких и похотливых вожделений и больших несочетеских страстей. Она принимала всех, чтобы к утру очиститься и выплюнуть несостоявшихся, как ненужный мусор. Ван Гог вышел из гостиницы и окунулся в эту реку.

Он купил себе зимнюю шапку, чтоб совсем не заморозить бедную голову. На него никто не обращал внимания, хотя коллеги-художники зазывали попозировать для портрета. Даже для московского Арбата он выглядел колоритной личностью. Но Москва и не таких видала на своём веку. Что ей было — холодной, зажавшейся — до какого-то бедного художника с отрезанным ухом.

Пройдя до Смоленской площади вдоль всего Арбата, Винсент направился в сторону Крымского моста.

Сталинская высотка министерства иностранных дел поразила художника своим имперским величием. Ничего подобного в Голландии не было. Потоки машин завораживали блеском и великолепием. Глупости, которые Ван Гог слышал о России, мигом вылетели из головы. Не было медведей на улицах, почти все люди шли без головных уборов. Женщины — ухожены, красивы и статны. Каждая подавала себя, как английская королева.

Выйдя на Крымский мост, Ван Гог увидел чудовищную статую царя Петра посреди Москва-реки. Винсенту стало дурно. Почему русские так ненавидят своих царей? Одних со всей семьёй расстреливают, другим ставят динозавроподобную статую. Он вспомнил, как дед ему рассказывал о русском царе Петре, который приезжал в Голландию осваивать искусство кораблестроения. По рассказам деда выходило, что царь Пётр не был таким, каким сделал его и русский Шемякин — лысым с арбузоподобной головой, и Церетели — с арбузоподобными глазами. Наверное, в этом абсурде и кроется загадочная русская душа.

Ван Гог шёл по Москве и ему всё больше и больше хотелось быть в этом городе. Тихие улицы Замоскворечья вывели его к какому-то кафе.

Первый этаж залит зловещим фиолетово-красным светом, и, как это было принято и в Голландии, окна — без штор. Название холодным неонам гласило: «Арт-кафе ВАН ГОГ ОТРЕЗАННОЕ УХО».

На входе в арт-кафе стояли два шкафоподобных громилы, исполняя фейсконтроль. Они преградили путь человеку с забинтованной головой, в нелепой шапке — такие в Москве уже никто не носил. Но посмотрев в бесноватые глаза вошедшего, поняли, — этого надо пропустить. В их дегенеративных мозгах вспыхнула и тут же погасла мысль: эту личность они уже где-то видели. Ван Гог вошёл в дверь и, минуя гардероб, завернул в зал. Открывшееся потрясло.

Всю центральную стену занимал его увеличенный портрет с отрезанным ухом, в нелепой шапке и с трубкой во рту. Портрет был искусно освещён фиолетовым светом, придававшим мертвящий оттенок изображению.

Справа от входа располагался анатомический стол, обшитый тонким нержавеющей листом. Вырванный из контекста операционной или морга, он производил жуткое впечатление. Посреди стола находился большой муляж отрезанного вангоговского уха. Рядом лежала гигантская окровавленная бритва. Эмалированный таз был доверху наполнен кроваво-грязными бинтами и ватой. В идеальном порядке уложены медицинские инструменты всех времён и народов: молотки, пилы, долота, кусачки, ручные дрели, нержавеющие канюли с допотопными стеклянными шприцами и толстенными иглами, ножницы, зажимы, пинцеты, скальпели различных мастей и размеров, струбины и свёрла, бормашины и металлические конструкции неизвестного назначения. Всё это выглядело пыточными орудиями. Дополнял коллекцию ряд стеклянных сосудов с пожелтевшими этикетками с изображением черепа, под которым проступали уже выцветшие чернильные надписи на непонятной латыни.

Мощная бестеневая медицинская лампа освещала это великолепие устрашающим лунным светом. Ван Гог понял, над созданием интерьера работал очень талантливый, а может и гениальный дизайнер-декоратор, — пространство совмещает два взаимоисключающих чувства: здесь невозможно было находиться, отсюда хотелось уйти. Так притягивает к себе тело только что погибшего человека...

Винсент сглотнул подступившую к горлу липкую, тошнотворную горечь, и на ватных ногах подошёл к барной стойке.

— Виски со льдом, — выдохнул он бармену.

Ван Гог опрокинул в себя друг за другом два стакана. Приступ тошноты отступил.

Он оглядел зал повнимательнее. Свободных мест нет. На эстраде два музыканта, скрипач и виолончелист, вытягивают из струн что-то ужасно нудное, тяготящее, будто хотят, чтобы все здесь разом сошли с ума. Стены кафе увешаны копиями картин Ван Гога, самыми пессимистическими, упадническими. В углу, за столом для VIP-персон, сидят Никас Сафронов и Зураб Церетели. Они потягивают густой зелёный абсент через коктейльные соломинки и смотрят на Ван Гога.

— Ну, вот ещё один ненормальный, работающий под безумного голландца.

Сколько они их видели, и не сосчитать. Снаружи — все Ван Гоги, а внутри — бездарные копиисты, пьяницы и самозванцы.

Здесь Винсент и увидел мольберт, стоящий у анатомического стола. Раскрепощённый алкоголем он подошёл к нему.

Закреплённый холст квадратной формы манил белизной. На приставном столике лежали тюбики с краской, растворители, кисти, мастихины. Каждый мог нарисовать на холсте всё, что хотел. Рядом висела табличка с предупреждением: «Всё изображённое является собственностью кафе!»

Ван Гог взял палитру и выдавил краску. Пьянящий запах льняного масла, так им любимый, блеск сочных красок пробудили в нём жажду творчества. Винсент начал работать. Он мазал кистью, мастихином, давил краску из тюбика прямо на холст, размазывал её пальцами...

В зале стало тихо. Посетители стояли и смотрели, как работает гений. А сзади Винсента, дыша ему в спину, следили за происходящим Никас и Зураб. Они-то, как никто, сознавали, на их глазах творит не жалкий подражатель, а великий мастер Ван Гог.

Художник в правом углу вывел надпись «Винсент» и бросил кисть. На него смотрел с холста он сам. С перевязанным ухом, с трубой и в нелепой шапке. «Ухо пришивать не буду — это моя визитная карточка, пропуск в большой мир искусства, в мир больших денег, славы». Он достал из кармана тряпку, развернул её, и положил маленькое ухо на стол, рядом с большим восковым.

Винсент шагнул за порог кафе в холодную московскую ночь и побрёл в гостиницу.

В кафе, из кабинета с дверной табличкой «Директор» вышел среднего возраста коренастый мужчина, бывший боец одной из бандитских тамбовских группировок, выживший в лихие девяностые и поднявшийся на грабежах, рэкрете и разбое, а ныне — депутат Мосгордумы и владелец заведения. Считая себя знатоком не только кулинарии, но и живописи, он любил своё детище и одновременно ненавидел. На раскрученный бренд тянуло многих, и всем надо платить: ментам, пожарным, санэпидемстанции, бывшим браткам и нынешним браткам-депутатам. Хотя бывшие брали меньше, чем нынешние, — обнаглевшие во время финансового беспредела. Мечта ресторатора о хорошем доме на берегу моря в Хорватии, стала недостижимой. Взятки съедали всю прибыль. Конечно, что-то оставалось, и не так мало, однако Дубровник был так же далёк, как фантазии Остапа Бендера о солнечном Рио-де-Жанейро.

Директор подошёл к мольберту и взял холст. На него смотрел худой мужчина со впалыми щеками, с рыжей бородой и с трубкой в зубах. «Наконец-то

повезло, — ухмыльнулся хозяин кафе, — будущий дом в Хорватии мне обеспечен, а может, островок на Мальдивах».

Вечером следующего дня огни кафе были приглушены. Мимо проходящие читали табличку «SALE»¹.

Настало воскресное утро. Москва спала, уставшая от разврата, пьянства и обжорства. Ван Гог глянул в гостиничное окно. Арбат — пуст. Только дворники матерятся, сметая плоды вчерашней вакханалии.

Винсент позавтракал в ресторане на первом этаже. С удовольствием съел яйцо, жареный хлеб со сливочным маслом. Рюмка хорошего коньяка и большая чашка крепкого колумбийского кофе подняли художнику настроение. Ван Гог рассчитался, дал «на чай» официанту и зашагал на станцию метро «Арбатская». Доехав до «Площади Революции», перешёл на Замоскворецкую линию. Конечным пунктом его поездки была станция метро «Третьяковская», Лаврушинский переулок.

Ван Гог направился в «Третьяковку», чтобы посмотреть на одну единственную картину — «Рождь» русского живописца Ивана Шишкина.

К центральному входу тянулась бесконечная очередь. Отстояв два часа и удивившись любви русского народа к искусству, Ван Гог прошёл в Шишкинский зал. «Рождь» поразила его с первой же секунды. Ни одна картина так ярко не выражала мощь и широту русских просторов. Это был другой мир искусства — мир оптимизма, величия русской души. Ван Гог — художник другого направления в живописи, постимпрессионизма. И обычно всё другое, что не входило в круг его понимания, он отрицал. Но Шишкинская «Рождь» очищала душу своим светом, заставляла верить в лучшее. Ван Гог сказал себе: «Я должен сделать что-то подобное». Сюжет новой картины мгновенно возник в его душе, осталось положить его на холст.

Художник вышел из храма искусства просветлённым и радостным. Период депрессии, ломавший его последнее время, отступил. Душа рвалась домой в Голландию, к краскам и холстам, будущим картинам.

Серое московское утро освободило место солнцу, и город засиял золотом куполов. Винсент шёл по русской столице, не думая о маршруте. Маршрут нам выбирает рок, дарованный судьбой и, не зная итога, мы безотчётно идём этой дорогой. Злой рок и вывел Винсента на Блошинный рынок, где продавалось и покупалось великолепие нужных и ненужных предметов, перечислить которые невозможно. Стоял торг, как на восточных базарах.

Ван Гог шёл от лотка к лотку, ни к чему не прицениваясь, а просто любясь красотою выставленных товаров. Здесь-то он и увидел ту вещь, что сыграла главную роль в его жизни. Потёртый, но в то же время отливающий серо-чёрным воронением стали, перед ним лежал на столике револьвер системы «Наган». Завораживая великолепием форм, он притягивал взгляд художника. Винсент уже знал: револьвер — это компенсация за отрезанное ухо, это память о Москве, о России. Он взял его. Рукоятка нагана легла в ладонь так, будто была там всегда. Видно не только кисть и перо могут быть продолжением руки художника и поэта, но и обжигающий холодом револьвер. Кистью и пером великие люди точку не ставят. Итог подводит пуля.

Ван Гог откинул барабан. Семь патронов уютно занимали каждый своё место, отливая тусклым латунным светом. Каждый нёс разрушительную силу, спрятанную внутри до поры до времени. Искушение было так велико, что Винсент усилием воли подавил накатившее вдруг желание. Точку ставить рано. Часы судьбы ещё не достигли апогея, за которым стоит слава или глубокое забвение. Не торгуясь, Ван Гог заплатил, сколько попросили. Да и кто торгуется с судьбой? Она сама назначает цену, и эта цена всегда будет в её пользу.

¹ Sale — продажа (англ. яз)

Он достал тряпку, в которой до этого носил своё ухо, и, завернув револьвер, опустил его в грудной карман. Два взаимоисключающих друг друга предмета оказались рядом: орудие жизни — сердце, и орудие смерти — револьвер. Этот симбиоз уже не разорвать. Теперь они существуют друг для друга.

Следующим утром Ван Гог рассчитался за номер в гостинице и с Белорусского вокзала выехал скорым поездом «Москва — Берлин». Из Берлина на автобусе доехал до Амстердама. Подошёл к квартире и отпер дверь английским ключом. Ничего не изменилось. Убогость и нищета лезли из всех щелей. Тупая усталость от длительного переезда валила Винсента с ног и, не раздеваясь, он упал на диван. Снилось ему светлая Шишкинская «Рожь» с летними облаками и золотисто-янтарными соснами.

Тёплый циклон, пришедший с Атлантики в Европу, согнал весь снег. По раскисшим от неожиданного тепла полям Ван Гог шёл писать последнюю картину. Хмурое голландское небо, серые облака, несущие дождь, и чёрная грязная дорога, пересекающая поле на две части, тучи воронья над жнивьем навевали уныние и скорбь. Ван Гог разложил этюдник и начал писать. Пейзаж давался с трудом. Кисти валились из рук. Вдохновение ушло. Это была работа не гения, а смертельно уставшего, психически больного человека. Ван Гог понял, как художник он кончился. Более неудачных картин он ещё не создавал. Пришло время ставить точку.

Винсент достал тряпку из грудного кармана и развернул её. Револьвер привычно лёг в руку. Ван Гог откинул барабан и посмотрел на патроны. Который из них? Глупая мысль мелькнула в голове. Приставил револьвер к груди слева и медленно нажал на спусковой крючок. Безымянный патрон вошёл в патронник... Освобождённая жуткая сила пошла по стволу, пробивая себе дорогу наружу, погнала пулю. Пуля разорвала тонкую оболочку тела бедного художника и, срикошетив, пошла рвать внутренности.

От грохота выстрела стая ворон с гвалтом ринулась ввысь. Ван Гог медленно падал на грязную полевую землю. Агонизирующий мозг высветил шишкинскую солнечную «Рожь». Даже убить себя толком не смог...

Ван Гог умер через два дня.

Бедный художник Винсент окончил свой земной путь.

Великий художник Винсент Ван Гог сделал свой первый шаг в бессмертие.